

ЗАПИСКИ
ВОСТОЧНАГО ОТДѢЛЕНІЯ
ИМПЕРАТОРСКАГО
РУССКАГО АРХЕОЛОГИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

Основаны барономъ **В. Р. Розеномъ.**

ТОМЪ ДВАДЦАТЬ ВТОРОЙ.

1913 — 1914.

(СЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ ДВУХЪ ТАБЛИЦЪ И СЪ ДВУМИ РИСУНКАМИ ВЪ ТЕКСТѢ).

ПЕТРОГРАДЪ.

ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМИИ НАУКЪ.

Вос. Остр., 9 лин., № 12.

1915.

приходилось ломать голову, синологъ сразу же открылъ бы ошибку: лишняя черта, вѣдь, совершенно мѣняетъ дѣло.

Опытъ г. Сталь-Гольстейна, конечно, интересенъ и, какъ мы уже говорили, можетъ быть весьма полезенъ, но мы не можемъ не указать, что эта работа грѣшитъ противъ принципа экономіи силъ: при все уменьшающемся числѣ индѣанистовъ, при тѣхъ громаднѣхъ возможностяхъ, которыя открываются ученому, изслѣдователю буддизма, знакомому хотя бы поверхностно съ китайскимъ языкомъ, едва-ли три банальныхъ гимна, «возвращенныхъ» индѣанистикѣ, окупаютъ громадную затрату силъ.

Что касается чисто *индѣйской* части работы, то мы, ввиду необычайно тщательной отдѣлки со стороны автора, отнимающей почти всякую почву у критика, ограничимся лишь немногими замѣчаніями.

Стр. 129, прим. 3: «*Anāṅga* одно изъ именъ божества, обыкновенно называемаго *Māra*». Здѣсь не достаесть, по нашему мнѣнію, одного слова: «называемаго буддѣями», такъ какъ *Māra* въ общесанскритской литературѣ далеко не является обычнымъ названіемъ бога любви (*Kandaṅga*, *Smara* и т. д.). Едва ли можно употреблять какъ синонимы термины «древнеиндѣйскій» и «санскритскій», какъ это дѣлается на стр. 115: первый терминъ обычно примѣняется лишь къ языку Ведъ. Вполнѣ извинительна нѣкоторая небрежность русскаго стиля, примѣрами которой являются обороты: «Ввиду вышеизложеннаго и принимая въ соображеніе тотъ фактъ....» (стр. 107), «Первымъ дѣломъ поражаетъ....» (стр. 108—109). Зато рѣжетъ глазъ непослѣдовательность въ трактовкѣ иностранныхъ именъ которыя то склоняются, то пѣтъ: «...*Emil*'я *Schlagintweit*» (стр. 128); «...согласно *Rockhill*'ю» и «...доктору *Thomas*» (стр. 141).

Н. М.

385. W. Rickmer Rickmers. The Duab of Turkestan. A physiographic sketch and account of some travels. With 207 maps, diagrams and other illustrations. Cambridge 1913. XV + 564 p. 8° maj.

Въ настоящей книгѣ, по словамъ автора, къ путевымъ очеркамъ (авторъ имѣлъ возможность посѣтить, въ теченіе ряда лѣтъ¹⁾, бассейны Заряфшана, нѣкоторыя мѣстности Бухарскаго ханства и Памиръ) присоединены «урока по элементарной физическаго географіи» (*teaching of a little elementary physiography*). Специально-научные вопросы разсматриваются въ приложенияхъ; тамъ же мы находимъ, кромѣ указателей предметовъ и

1) Точная дата начала и конца путешествій не приводится; при описаніи отдѣльныхъ путешествій упоминаются даты отъ 1896 до 1908 г.; при описаніи Бухары говорится, что городъ успѣлъ уже измѣниться съ тѣхъ поръ, какъ авторъ въ первый разъ видѣлъ его восемнадцать лѣтъ тому назадъ (стр. 92).

собственныхъ именъ, перечень литературы о Туркестанѣ; въ самой книгѣ, предназначенной для широкаго круга читателей, ссылки и вообще подстрочныя примѣчанія почти совершенно отсутствуютъ.

Въ путевыхъ очеркахъ главное мѣсто отводится, конечно, описанію природы или, вѣрнѣе, ландшафта (о растительной и животной жизни говорится мало). Автора и его спутниковъ сопровождалъ опытный проводникъ-тиролецъ; благодаря этому пни могли быть изслѣдованы трудно доступные перевалы, вершины и ледники¹⁾; вездѣ дѣлались превосходные фотографическіе снимки, частью помѣщенные въ книгѣ, частью только перечисленные. Въ дѣлѣ географическаго изученія края трудъ автора, вѣроятно, будетъ признанъ шагомъ впередъ. Гораздо меньше говорится о городахъ, поселеніяхъ и вообще о человѣкѣ. Специалисты по этнографіи и археологіи не найдутъ для себя въ книгѣ новаго матеріала; неспециалистами и эти мѣста книги, вѣроятно, будутъ прочитаны съ интересомъ. Не зная мѣстныхъ языковъ²⁾, авторъ былъ принужденъ ограничиться поверхностными наблюденіями; но эти наблюденія проникнуты искреннимъ желаніемъ понять душу населенія, безусловно чужды обычныхъ европейскіхъ предрасудковъ и излагаются съ чисто-англійскимъ юморомъ (напр. стр. 130 и слѣд. и описаніе «единственнаго настоящаго приключенія» на стр. 298 и слѣд.). Интересно, между прочимъ, разсказъ о встрѣчѣ въ Бальджуанѣ съ русскимъ, сдѣлавшимся по вѣншему образу жизни и религіознымъ обрядамъ совершеннымъ сартомъ и нисколько не жалѣвшимъ о своей прежней жизни (стр. 444). Черезъ посредство сопровождавшей его супруги авторъ могъ ознакомиться и съ жизнью женской половины населенія.

Научныя разсужденія автора, какъ и слѣдовало ожидать, не касаются непосредственно вопросовъ, связанныхъ съ изученіемъ современной жизни края и его прошлаго. Въ этнографическихъ вопросахъ онъ вѣритъ Фр. Ф. Шварцу, автору «лучшаго общаго сочиненія о русскомъ Туркестанѣ» (стр. 5)³⁾; о прошломъ края онъ находитъ «все важное» (everything important) въ книгѣ Скрайна и Росса⁴⁾, отчасти дополняемой трудомъ Росса

1) По мнѣнію автора, трудности горныхъ экспедицій были значительно преувеличены русскими изслѣдователями, въ томъ числѣ Мушкетовымъ (имѣется въ виду изслѣдованіе заряшанскихъ ледниковъ въ 1880 г.). Затрудненія, встрѣченныя Мушкетовымъ, объясняются тѣмъ, что его сопровождали донскіе казаки, которые на ледникѣ такъ-же должны были чувствовать себя не въ своей сферѣ, какъ чувствовалъ бы себя тиронецъ на льдѣ (стр. 272).

2) Взятый изъ Батума слуга-переводчикъ былъ въ глазахъ автора экспертомъ «in all the broken idioms of Europe and Asia», точно такъ-же какъ въ кулинарномъ и прачешномъ дѣлѣ (стр. 178).

3) Ср. ЗВО. XIV, 053 и слѣд.

4) Ibid. XII, 0130 и сл. Между прочимъ популярная въ Англіи легенда, что построенная Тимуромъ мечеть Биби-ханымъ есть выраженіе «страстнаго горя вдовца», изъ книги

и Илйаса (стр. 543)¹⁾. Но въ странахъ съ такимп климатическими условіями, какъ Туркестанъ, жизнь челоѣка, можетъ быть, еще тѣснѣе, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ, связана съ жизнью природы; говоря о физико-географическихъ процессахъ и физико-географическомъ характерѣ страны, неизбежно приходится говорить о прошломъ, настоящемъ и будущемъ ея населенія. Опредѣляя свое отношеніе къ теоріи высыхания и создавая новую теорію о туркестанскомъ «Дуабѣ», какъ самостоятельной географической единицѣ, авторъ справедливо рассматриваетъ жизнь природы и жизнь челоѣка какъ одно неразрывное цѣлое; поэтому научная часть его книги представляетъ интересъ не для однихъ только натуралистовъ.

Взглядъ автора на теорію высыхания занимаетъ середину между взглядомъ современныхъ русскихъ ученыхъ (А. И. Воейкова и Л. С. Берга) и мнѣніемъ прежнихъ изслѣдователей. вмѣстѣ съ кн. Краноткпымъ онъ считаетъ прогрессивное высыханіе Евразіи «геологическимъ фактомъ» (стр. 510), но доказываетъ, что этотъ вопросъ нельзя связывать съ вопросомъ объ *историческомъ* прошломъ и будущемъ края. Процессъ высыхания, по его мнѣнію, отражается только на мѣстностяхъ, непосредственно прилегающихъ къ пустынѣ, которая увеличивается насчетъ культурныхъ земель не болѣе какъ на одну англійскую милю въ столѣтіе (стр. 47). Выше по теченію рѣкъ условія впродолженіи историческихъ періодовъ остаются неизмѣнными, и для орошенія пашень вполиѣ обеспечено достаточное количество воды. Авторъ только сомнѣвается въ томъ, окупятся ли громадныя затраты, необходимыя для производства сложныхъ гидротехническихъ работъ на Аму-дарьѣ и Сыръ-дарьѣ, и удастся ли, посредствомъ расширенія желѣзнодорожной сѣти и пониженія тарифа, обезпечить населенію дешевый хлѣбъ, чтобы большая часть орошенныхъ земель могла быть отведена подъ культуру хлопка (стр. 524).

Название «Дуабъ» (дурѣчье), очень употребительное въ Индіи²⁾, авторъ предлагаетъ присвоить мѣстности, лежащей между Аму-дарьей, Сыръ-дарьей, Аральскимъ моремъ и горными цѣпями въ верховьяхъ обѣихъ рѣкъ.

Ск райна (стр. 392) перешла и въ книгу В. Рикмерса (стр. 122). Не прибѣгая къ восточнымъ сочиненіямъ, авторъ даже изъ словъ Клавио (изд. Срезневскаго, стр. 319) могъ бы убѣдиться въ томъ, что если мечеть вообще строилась Тимуромъ въ память какой-нибудь женщины, то не въ память жены, которая въ то время была жива, но въ память тещи.

1) Ср. ЗВО. X, 215 и сл.

2) Изъ многочисленныхъ индійскихъ «дуабовъ» главный — область между Гангомъ и Джумной отъ горъ Сиваликъ до Аллахабада. Предложеніе назвать туркестанскимъ «Дуабомъ» мѣстность между Аму-дарьей и Сыръ-дарьей было сдѣлано авторомъ также въ Geogr. Journal XXX, 357 (цитируется въ Enzyklopaedie des Islam, I, 1125). Замѣчательно, что въ своей книгѣ авторъ ничего не говоритъ объ индійскихъ дуабахъ и только сопоставляетъ терминъ «Дуабъ» съ терминомъ «Пенджабъ» (стр. 1).

Только такимъ путемъ мы, по его мнѣнію, получимъ область съ ясно выраженными географическими границами; опредѣлять географическія границы «Туркестана» было бы невозможно. Въ «Дуабѣ» нашли себѣ наиболѣе полное выраженіе всѣ особенности, составляющія характерную черту странъ, въ составъ которыхъ входятъ или съ которыми граничить Дуабъ; всѣ эти характерныя свойства ослабляются по мѣрѣ удаленія отъ границъ Дуаба. Въ области «климатологіи, геологіи, зоологіи, ботаники, этнографіи, политической экономіи, исторіи» — вездѣ мы найдемъ «all the central and leading facts or types included in the Duab» (стр. 2). Едва ли теорія автора и созданный имъ терминъ имѣютъ будущность. Дуабомъ въ Индіи называется пространство между двумя рѣками, протекающими такъ близко одна отъ другой, что оросительныя системы обѣихъ рѣкъ составляютъ какъ бы одно цѣлое. Такимъ «дуабомъ» въ Туркестанѣ, насколько мнѣ извѣстно, могла бы быть признана только мѣстность между Чирчикомъ и Ангреномъ. Аму-дарья и Сыръ-дарья въ верхней части своего теченія отдѣлены одна отъ другой высокими горными цѣпями, въ нижней — огромной пустыней; область между обѣими рѣками не представляетъ (и никогда не представляла) ни въ политическомъ, ни въ этнографическомъ отношеніи самостоятельнаго цѣлага; для будущей экономической жизни края мѣстности, находящіяся вѣдѣ «Дуаба», какъ Хивинское ханство и сѣверная часть Ферганы съ Наманганомъ, будутъ имѣть во всякомъ случаѣ не меньше значенія, чѣмъ середина «Дуаба» — бассейнъ Заряфшана¹⁾.

При составленіи библиографическаго обзора авторомъ приняты во вниманіе и русскія работы, хотя съ нѣсколькими странными выборомъ; такъ упоминается учебникъ Н. В. Остроумова и не упоминается «Туркестанъ» И. В. Мушкетова.

В. Б.

386. Абū-л-'Алā ал-Ма'аррī. Мулқā-с-сабіл, рисāлетъ фй-л-ва'зъ вал-хикам. 'Унйя бя-пешрихā Ҳасан Ҳуснī 'Абд-ал-Ваххāб ат-Тў-нисī. Дамаскъ 1330. 8^о, стр. 18.

'Абд-ал-Ваххāбъ, профессоръ исторіи въ тунисской высшей школѣ *ал-Халдўнййа*, извѣстенъ преимущественно работами по исторіи Магриба²⁾.

1) Ср. въ книгѣ В. Рикмерса краснорѣчивыя слова о Самаркандѣ, какъ residential capital (стр. 120), и въ особенности о Заряфшанѣ, какъ «средней линіи и символѣ» всего Дуаба (стр. 276). Вопреки дѣйствительности, авторъ утверждаетъ, будто «on its banks are greater cities than on the Amu or the Sir».

2) См., наиримѣръ, La Domination Musulmane en Sicilie, Tunis 1905; Contribution à l'histoire de l'Afrique du Nord et de la Sicilie, Palermo 1910 (оттискъ изъ сборника Centenario della nascita di Michele Amari); بساط العقيق في حضارة القيروان وشاعرها ابن رشيق; Тунисъ 1330 и др.